

3. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 384-406.
4. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
5. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект – Пресс, 2005. – 5-е изд. – 536 с.
6. Сеничкина, Е.П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учеб. пособие / Е.П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.
7. Ayto, J. Dictionary of Euphemisms / J. Ayto. – Bloomsbury Plc., Britain, 2003. – 332 p.
8. Enright, D.J. Fair of Speech: The Uses of Euphemism / D.J. Enright. – Oxford Univ. Press, 1985. – 220 p.
9. Ham, K. The Linguistics of Euphemism: A Diachronic Study of Euphemism Formation / K. Ham // Journal of Language and Linguistics. – 2005. – Vol. 4. – №2. – P. 227-259.
10. Kany, Ch.E. American – Spanish Euphemisms / Ch.E. Kany. Univ. of California, 1960. – 249 p.
11. Neaman, J.S. Kind Words: A Thesaurus of Euphemism / J.S. Neaman & C.G. Silver. – New York, 1983. – 483 p.
12. Rowson, H.A. Dictionary of Euphemisms and Other Doubletalk / H.A. Rowson. – New York, 1981. – 432 p.
13. Scott, F.N. Verbal Taboos / F.N. Scott // The Standard of American Speech and other Papers. – Boston, 1926. – P. 165-190.
14. Steadman, J.M., Jr. A Study of Verbal Taboos / J.M. Steadman, Jr. // American Speech. – 1935. – Vol. X. – №2. – P. 93-104.
15. Warren, B. What Ephemisms Tell Us About the Interpretation of Words / B. Warren // Studia Linguistica. – 1992. – 46/2. – P. 128-172.

С.Г. Каримова

КОНТЕКСТУАЛЬНО-ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ АДЪЕКТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Казанский государственный университет

Адъективные фразеологические единицы относятся к числу универсальных, присутствующих в любом языке. Национальная языковая специфика прослеживается на уровне конкретных языковых средств, особенно на семантическом уровне, в основе которого лежат образы.

Адъективные ФЕ занимают важное место в познании и языке, являясь одним из способов отражения языковой картины мира целого народа, что

проявляется в устойчивых фразеологических единицах, включая узуальные варианты, или отдельного носителя через окказионально-преобразованные единицы.

Объектом нашего исследования стали адъективные компаративные фразеологические единицы русского языка, т.е. имеющие в своем составе сравнивающий компонент *как*. Сравнительный оборот, лежащий в основе ФЕ, является открытой, не завуалированной формой образов, что является отражением действительности. Например, мы получаем достоверные знания о животных, птицах, растительном мире, явлениях природы, веществах и т.д.: *упрямый как осел, важный как павлин, скользкий как угорь, стройная как тополь, быстрый как молния, мягкий как воск* и т.д.

Необходимо учитывать, что для носителя языка важна яркость образов, их быстрая активизируемость в сознании, поэтому система общепринятых ассоциаций может быть основана и на нереальных объектах действительности: *здоров как черт, злая как ведьма, страшен как смертный грех* и т.д.

Автор, создавая новую ФЕ или трансформируя словарную форму, начинает с нарушения традиционной системы семантических отношений. С помощью языковых средств он создает свою фразеологическую модель видения как окружающего мира в целом, так и частных его явлений. Стоит отметить, что любое языковое проявление есть результат отражения действительности, результат пережитого и переживаемого. В первую очередь любые изменения реальности и любые события находят свое отражение в индивидуально-авторских или окказиональных вариантах.

Окказиональное преобразование ФЕ трактуется как опирающееся на их системно-языковую устойчивость использование свойства раздельно-оформленности фразеологизмов, выражающееся в окказиональном нарушении их традиционной формы и семантики и применяемое в литературных произведениях в качестве художественно-речевого стилистического средства.

Замена компонентов является одним из наиболее частотных и эффективных видов окказионального преобразования ФЕ. С.П. Волосевич объясняет данное явление следующим образом: “диалектически сосуществующие неизменяемость и вариативность ФЕ в рамках их устойчивости, обеспечивают возможность замещать компоненты ФЕ словами-заменителями, являющимися по отношению к заменяемым компонентам идеографическими и стилистическими синонимами, гиперонимами, антонимами, паронимами, эвфемизмами” [2: 4]. Автор подчеркивает, что широкому использованию приема замены компонентов способствует устойчивость внутренней формы исходной ФЕ в сознании преобразующего субъекта, которая на основе ассоциативных связей способствует различным модификациям образной основы.

У представителей одной и той же лингвокультурной общности вырабатывается “система общепринятых ассоциаций” [1: 164], или “система образов-эталонов”, т.е. “образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства” [5: 241].

Л.А. Лебедева отмечает, что контекстуально-трансформированные ФЕ базируются на нетривиальных образах, отражая авторское видение мира, которое не всегда совпадает с представлениями о мире у читателя. Автор подчеркивает непредсказуемость индивидуально-авторских ФЕ [3: 70-71].

Существует и другое мнение, что появление окказиональных вариантов ФЕ осуществляется не абсолютно независимо от языковых реалий, по воле автора, а по существующим в языке моделям, то и окказиональные варианты ФЕ могут быть одними и теми же у разных авторов: “Повторяемость трансформаций, довольно стройная моделируемость их основных типов, переключка с диалектно-просторечным варьированием в зеркале лексикографии убедительно показывают, что их "индивидуальность" и "авторство" сильно преувеличиваются исследователями” [4: 154].

Контекстуально-преобразованные ФЕ являются индивидуально-авторскими только частично, причем большая их часть, составляющая внутрисистемный тип преобразования, к таковым не относится на основании, что 1) данные преобразования порождаются системой языка, 2) творческое начало в них сведено до минимума, 3) одинаковые или почти одинаковые преобразования в произведениях разных писателей [2: 6].

Мы полагаем, что ассоциативный образ, являющийся зависимым компонентом рассматриваемых нами адъективных компаративных ФЕ, может варьироваться под влиянием современных условий жизни, политических изменений, научных достижений и т.д. В определенный исторический период какой-либо конкретный образ может быть наиболее актуальным, в силу сложившихся экономических, социальных условий, что позволяет объяснить схожесть преобразований у разных авторов. Окказиональные варианты несут новые знания прежде не отраженные фразеологическими единицами.

ФЕ *беден как церковная крыса* представлена следующими окказиональными вариантами: *беден как солдат, как нищий, как бедуин, как Ир, как struggling writer*.

Поэтому не случайно в последнее время в Войске Польском все более популярной становится поговорка “беден как солдат”. [Материальное положение военнослужащих польской армии не улучшается // “Зарубежное военное обозрение”, 2004.07.26]

Данный вариант создан конкретной ситуацией, характеризующейся нестабильным материальным положением военных.

Что школа сгорела, знаю, однако беден как бедуин, и на пособие не рассчитывайте. [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990-2000)]

В основе данного ФЕ лежит образ кочевого араба-скотовода, не обладающего никакими материальными ценностями.

*Я был беден, как и следует **struggling writer**. Пусть тебе переведут, читатель. [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)].*

Зависимый компонент заменен английским словом *struggling writer*.

Узуальный вариант *лысый как колено* находит свое выражение в следующих окказионализмах: *лысый как Карл Маркс, лысый как вспотевиший глобус, лысый как мяч, как бильярдный шар.*

*Аллен, близоруко шурясь, встал, **роскошно-лысый, как Карл Маркс**, в грязном красном шарфе, наивный ниспровергатель военных блоков, Домостроя и Торы. [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]*

Окказиональный вариант актуализирует знание о внешних данных известного деятеля.

*А Ильич, известный в журналистских кругах гомосексуалист и гадалка, **лысый, как вспотевиший глобус**, суетился по левую руку от меня, мусоля карты и заглядывая в глаза. [Левин Борис. Иностранное тело (1965-1994)]*

Образ глобуса, являющийся наименованием вращающейся модели земного шара и характеризующийся гладкой поверхностью, дает основу для данной ФЕ. Интересным представляется расширение зависимого компонента, который является не признаком “глобуса”, а непосредственно характеризует героя Ильича.

***Лысый, как бильярдный шар**, мужчина быстро шагал по залу ожидания. [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)]*

Бильярд, ставший популярным в последнее десятилетие в России и тем самым объясняющий появление многочисленных бильярдных клубов, способствовал появлению рассмотренного окказионального варианта.

Образ “лунь” в ФЕ *седой как лунь* находит такие варианты как *одуванчик и снег*.

*Врач-реаниматор, **седой, как одуванчик**, маленький ловкий мужчина, поведал Алексею Александровичу, что давно не видел такой сильной женщины. [Солнцев Роман. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // “Октябрь”, 2002]*

***Седой как снег**, без единого чёрного волоса старик, который недавно ещё был Римским, подбежал к двери, отстегнул пуговку, открыл дверь и кинулся бежать по тёмному коридору. [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита, Часть I (1929-1940)]*

Образы *снег* и *одуванчик* можно назвать этнически маркированными, так как для представителей, проживающих в других климатических условиях, ассоциативная связь между признаком и предметом не ясна.

Наряду с окказионализмами *богат как жид, как черт, как еж иглами* узуального варианта *богат как Крез* интересным представляется вариант *как Гейтс*.

Я сегодня богат, как жид. [А.И. Куприн. Поединок (1905)]

Евреи издревле ассоциировались с умом, талантом, смекалкой и богатством.

Фактами такого рода Иван Дронов был богат, как еж иглами; он сообщал, кто из студентов подал просьбу о возвращении в университет, кто и почему пьянствует, он знал все плохое и пошлое, что делали люди, и охотно обогащал Самгина своим “знанием жизни”. [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)]

Если ты богат, как Гейтс, конечно. Но что-то я не слышала о втором мультимиллиардере. Белендеев погасил улыбку и рассказал, что у него в Штатах есть лаборатория, фирма, он действительно не беден — что-то изобрел уже там. “А может быть, и отсюда увез?” — подумала Анна. [Солнцев Роман. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем // “Октябрь”, 2002]

Американский мультимиллиардер основатель и владелец корпорации Microsoft Билл Гейтс является реальным объектам объективной реальности.

Русскоговорящая гидесса Наташа, клонированная овца, блин, длинноногая, красивая, как мадонна, стояла в широком переходе... [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек “Ч” (2001)].

В данном примере отражается идеал женской красоты, а, как известно, в разные исторические периоды он был разным.

Таким образом, появление контекстуально-преобразованных ФЕ осуществляется не только системой языка и по существующим языковым моделям, но и объясняется необходимостью актуализации знаний действительности в тот или иной временной период.

Библиографический список

1. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 164.
2. Волосевич, С.П. Замена компонентов фразеологических единиц в аспекте номинации и коммуникации (на материале современного английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук / С.П. Волосевич. – М., 1989. – 19 с.
3. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии / Л.А. Лебедева. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999. – 196 с.
4. Мелерович, А.М. Проспект словаря индивидуально-авторских употреблений ФЕ в современном русском языке / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Основные вопросы теории фразеологии. – Самарканд, 1987. – С. 153.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – С. 241.